

Любовь КУШНИР

СЕСТРЁНКА

Петр Трофимович и Александра Матвеевна Неподоба с сыном Вячеславом. Снимок 1940 года. На бескозырке у моряка надпись «Береговая батарея», он служил, а потом воевал на 30-й батарее, защищавшей Севастополь, был камендором башенных орудий. Мама была при нем. Разлучились после сдачи Севастополя, а встретились в Абинской.

Моя старшая сестра Людмила пришла в этот мир в последний день марта 1943 года, когда немцы, лютуя, бомбили кубанскую станицу Абинскую. Сюда с превеликим трудом с двумя маленькими детьми в течение двух месяцев добиралась мама после сдачи врагу Севастополя. Здесь жили родители папы – бабушка Ульяна и безногий дед Трофим. С ними в оккупированной врагом станице прожила мама с детьми до конца войны.

Услышав первые взрывы, бабушка оставила роженицу и, схватив внуков, четырехлетнего Славику и двухлетнего Вадика, побежала в укрытие, на бегу крикнув маме:

– Ховайся пид кровать!

Мама, только что родившая третьего ребенка, девочку, обернула тряпкой новорожденную, с трудом слезла с железной кровати и забилась поглубже под нее. Так можно было спастись, если не случится прямого попадания бомбы в дом.

Стены саманного дома тряслись, на пол, на постель сыпались большие куски глиняной штукатурки, под их тяжестью железная сетка кровати прогнулась, стекла со звоном вылетали из небольших окон. Маме, пережившей с двумя крохами ад Севастопольской

блокады, казалось, что ничего страшнее уже не будет. Однако смертельный страх сковывал все ее существо. Она свернулась в комок, крепко прижимая к себе дитя. Сбросив на людей тонны смертоносного металла, самолеты с гулом удалились. Наступила тишина.

Бабушка Ульяна вернулась в хату и, переступая через груды глины, кляла на чем свет стоит безбожников – «хвашистов»:

– Ах, бисовы души – неверы! Хай вам пусто будэ! – бабушка «балакала», то есть говорила на языке, который представлял собою смесь украинского и русского языков.

– Шура, чи ты жива?

– Жива... – донесся слабый голос из-под кровати.

– Так вылазь зараз!

– Не могу, руки-ноги свело, – простонала мама.

– Ах, кляты души, бисовы диты, дрына хорошего на вас нету, – ругалась она на немцев, вытаскивая из-под кровати перепуганную невестку. – Потерпи чуток!

Бабушка стряхивала с кровати куски глины, пыль и мусор. Быстро управившись, скомандовала: «Лягай! Зараз поить тоби принесу!»

Мама, держась за спинку кровати, не спешила ложиться:

– Девочку, достаньте девочку!

Бабушка, вспомнив про новорожденную, всплеснула руками, полезла под кровать, вытащила наспех замотанный тряпкой комочек и сказала в сердцах:

– И на кой бис ты ее туды ташыла? Оставила б на кровати, хай бы ее штукатуркой прыбыло!

Мама заплакала:

– Что вы такое говорите, мама! Это же наша с Петей дочь, ваша внучка!

– А колы Пэтро з войны нэ прийдэ, шо робыть будэшэ з тремя дитяи?! – строго спросила бабушка.

Мама, плача, взяла из ее рук ребенка, легла на кровать и, повернувшись на бок, впервые дала младенцу грудь. Она не обиделась на свекровь, потому что знала, что язык у нее острый, а сердце отважное и доброе.

Три страшных года до самого конца войны бабушка кормила, поила, спасала от смерти невестку и трех внуков. Нашей героической бабушке Ульяне обязаны мы, трое младших детей, своим рождением.

БУШЛАТ

Немцы в оккупированной станице вели себя как хозяева. Бесцеремонно входили в дома и требовали: «Матка, хлеб, яйко, млеко – давай!» Бабушка в такие моменты, не скрывая ненависти, отвечала с вызовом: «Нема ничего! Усэ нэмчура зыла! Бисовы души!» Фрицы, не вникая словам, перерывали весь дом в поисках пищи, найдя, забирали все до крошки. Как-то, увидев входящих во двор

немцев, бабушка попыталась спрятать от них последнюю горстку кукурузной крупы, которую выменяла на брюки дедушки. Она положила узелок с крупой в детский горшок, сняла штанишки с Вадима, усадила его, приказав: «Сиди, унучек!»

Представители арийской расы с «голубой» кровью в венах обрыскали весь дом и, не найдя ничего, подняли с горшка малыша и не побрезговали забрать оттуда узелок с крупой. Довольные своей находчивостью, уходя, они поблагодарили бабушку: «Данке шен!» «У-у-у, клятые! Шоб вы подавылись цею кашею!» – прошипела им вслед баба Ульяна.

Следующий неожиданный визит оккупантов едва не погубил всю семью. Обыскивая дом в поисках продуктов питания, они нашли папин старый бушлат. Мама достала его, чтобы сшить мальчикам теплые курточки, а спрятать подальше не успела. Бушлат нашел молодой немец, роясь в сундуке. Поняв, ЧТО держит в руках, он завопил, что было сил. На его крик прибежали трое остальных. Бушлат производил на них какое-то магическое действие: выпучив глаза, немцы кричали наперебой, тыча пальцами в бушлат. Единственное, что можно было понять: «Шварц вольф! Шварц вольф!» Черные волки – так звали немцы черноморских моряков, испытывая ужас при одном упоминании о них.

Слава о непоколебимой силе русских матросов и беспощадности в бою разнеслась по всем фронтам. Немцы панически боялись их, именно поэтому так отреагировали на папин старый бушлат. «Это жена и дети «черного волка!» – кричали они. – Расстрелять их! Немедленно расстрелять!» Схватили маму, потом перепуганных плачущих детей и выволокли во двор. Бабушка бесстрашно пыталась вырвать из рук врагов то маму, то внуков, при этом на своем «тарабарском» языке объясняла, что бушлат куплен на рынке, чтобы сшить детям теплую одежду. Немцы не слушали ее, стремясь поскорее расправиться с семьей «черного волка». В отчаянии бабушка вспомнила, что староста, односельчанин, назначенный оккупантами, знает немецкий язык. «Стой! – закричала она, закрывая собою маму от наведенного на нее дула автомата. – Староста! Староста! Зовите старосту!»

Староста, живший неподалеку, прибежал быстро, предупрежденный кем-то из соседей. Он прекрасно знал, что сын Ульяны – матрос, защищал Севастополь, однако авторитетно подтвердил версию о том, что бушлат куплен на рынке, а муж этой женщины вовсе не моряк. Немцы, поговорив между собой и немного успокоившись, отпустили маму и детей. Бабушка, как наседка, загребла сноху и внуков крыльями-руками и увела всех в дом.

